

А. С. Балаховская
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия,
a.balakhovskaya@gmail.com

«ЖИТИЕ АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО» АФАНАСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО КАК ХРИСТИАНСКАЯ БИОГРАФИЯ

В статье в контексте истории развития античной биографии рассматривается «Житие Антония Великого» Афанасия Александрийского. В этом произведении нашли отражение жанровые черты античной биографии, такие как отсутствие хронологических меток, идеальный характер героя, использование анекдотов, максим, речей и исторических источников, однако «Житие Антония Великого» имеет свои особенности, поскольку здесь, в отличие от биографий языческих авторов, имеет место динамика образа героя. Это связано со спецификой христианского дискурса, которому изначально присуща идея движения.

Ключевые слова: античная биография, житие, жанр, язычество, христианство, святой, христианский дискурс.

Alexandra S. Balakhovskaya
A. M. Gorky Institute of World Literature, RAS, Moscow, Russia.
a.balakhovskaya@gmail.com

The Life of St. Anthony the Great by Athanasius of Alexandria as a Christian biography

The paper studies the *Life of St. Anthony the Great* by Athanasius of Alexandria in the context of the history of ancient biography. The first biographical works were written in the 5th century BC, but biography was recognized as a special literary genre in the Hellenistic period. In the 3rd-4th centuries AD the biography got a religious dimension; its main character was either a pagan or a Christian saint. Biography, unlike encomium, does not have a clear formal structure, but its main characteristic features are the absence of chronological marks, the ideal character of the hero, the use of anecdotes, maxims, orations and historical sources. We can find these genre features in the *Life of St. Anthony the Great*. This work is divided into a prologue, an epilogue and two parts, the first of which tells the story of the spiritual improvement of the hero, and the second depicts the activities of Anthony and his relationships with the outside world. The image of the ideal hero in this work has a special feature, namely, we can see the dynamics of the development of his image. This feature can be

explained, on the one hand, by the fact that the idea of movement, which is based on the biblical view of the world, is inherent to Christian discourse as a whole, and on the other hand, by the fact that the biblical worldview and the hagiographic discourse based on it are characterized by the idea of revealing what was already given initially. Thus, the ideal represented in the image of the hero in the *Life* of St. Anthony the Great is antinomic. To portray him, the author uses anecdotes, maxims and orations. The anecdotes, maxims and speeches included in the *Life* of St. Anthony the Great make the narrative visual and plastic, and thereby bring it closer to the reader. So, even though pagan and Christian biographies, due to their common characteristics, constitute one single genre, there is however a clear line dividing them, which is explained by the peculiarities of religious views.

Keywords: ancient biography, lives of saints, genre, paganism, Christianity, saint, Christian discourse.

«Житие Антония Великого» Афанасия Александрийского в контексте истории античной биографии рассматривали многие ученые. Наиболее известный труд на эту тему принадлежит Р. Рейценштейну (Reitzenstein 1914), который увидел параллели между этим житием и жизнеописаниями Пифагора Порфирия и Ямвлиха. В качестве образца христианской биографии это произведение изучают и современные исследователи С. Рубенсон (Rubenson 2006: 191–208) и П. Кокс (Cox 1983). Задача нашей работы состоит в том, чтобы рассмотреть литературные особенности этого памятника на фоне развития античной биографии в целом.

Античная биография прошла длительный путь развития. Первые сочинения биографического характера относятся к V в. до н.э. (Momigliano 1971: 12), однако в качестве особого жанра биография осознается лишь в эллинистический период (Momigliano 1971: 12; Cox 1983: 6). В ранний имперский период Плутарх уже делал четкое разграничение между историографией и биографией, отмечая, что историография исследует деяния (πράξεις) героя, а биография его нрав (ἦθος) (Cox 1983: 12).

В III–IV вв., в период соперничества между уходящим в прошлое язычеством и набирающим все большую мощь христианством, биография становится инструментом в литературном споре между ними. В этот период она получила религиозное измерение, и, как следствие этого, изменился характер ее героя. Если раньше биографии были посвящены императорам, знаме-

нитым полководцам, тиранам, представителям различных философских школ, риторам, поэтам, музыкантам (Averincev 1973: 165–170), то теперь их героем становится религиозный лидер, «божественный мудрец» (Сох 1983:17).

Этот тип героя характерен как для языческих, так и для христианских биографий, с одной стороны, таких, как «Жизнеописание Аполлония» Филострата, «Жизнеописание Пифагора» и «Жизнеописание Плотина» Порфирия, «О Пифагоровой жизни» Ямвлиха, а, с другой, «Жизнеописание Оригена» и «Жизнеописание Константина» Евсевия Памфила, «Жизнеописание Антония Великого» Афанасия Александрийского.

Образ «божественного мудреца» — это образ святого, как языческого, так и христианского. В языческой традиции святой — это философ и духовный учитель (Fowden 1982: 34–35), а в христианской — ученик и последователь Христа. Исследовательница позднеантичной биографии П. Кокс выделила черты, характерные для этого типа героя. В их числе — мудрость, превосходство над человеческой природой, аскетический образ жизни, проповедь своего учения, создание сообщества последователей. В свою очередь, она отмечает, что существуют две разновидности «божественного мудреца» — сын Божий и богоподобная личность. Первый из них представляет собой богоподобную личность, изъятую из исторического контекста и имеющую чудесное происхождение, а второй — наделенного божественными дарами человека (Сох 1983: 21–30).

Биография — жанр античной литературы, нормы которого, в отличие от энкомия, не были прописаны в руководствах по риторике и который не имеет формальной структуры и четкого жанрового шаблона (Сох 1983: 54–55). В свое время Ф. Лео выделил два типа биографических повествований — один, построенный по хронологическому принципу (плутарховский тип), а другой — по тематическому (светониев тип) (Leo 1901: 131–144; 147–148; 149–187; Сох 1983: 51).

Однако эта схема не является универсальной, поскольку, как заметил С. С. Аверинцев, Плутарх в ряде биографий строит повествование не по хронологическому принципу, а по тематическому (Averincev 1973:130). В полной мере она также не приложима и к биографиям «божественных мудрецов», поскольку в них имеют место различные вставки и дополнения, которые

не укладываются ни в плутарховскую, ни в светониеву модели (Сох 1983: 51–52).

Поскольку не существует единого структурного шаблона биографии в целом и биографии святых, в частности, следует определить другие признаки, благодаря которым биографию можно было бы выделить в отдельный жанр. Этими признаками являются отсутствие четких хронологических вех и идеальный характер героя, который не развивается во времени, а существует в длительном настоящем.

Однако такой идеальный характер требует реального воплощения, а рассказ о нем — придания ему видимости исторического повествования. Это достигается путем использования биографом различных литературных форм, таких как анекдоты, максимы, речи. Таким образом, биография, представляет собой пестрое собрание этих литературных форм, объединенных в единое целое (Сох, 1983: 57–58).

Анекдот в данном случае — это исторический рассказ, содержащий в себе какой-либо яркий эпизод из жизни героя. Анекдоты являются связующим звеном между идеальным образом героя и его конкретным воплощением в тексте, обеспечивая взаимодействие между идеалом и повседневностью (Сох 1983: 58).

Другой способ придания вида исторической достоверности рассказу — это ссылка на высказывания героя, на его речи и максимы — краткие афоризмы, имеющие морализаторское значение (Сох 1983:62). Эффект достоверности повествования в биографиях святых достигается также путем использования исторических источников (Сох 1983:65). Обратимся теперь к «Житию Антония Великого» Афанасия Александрийского и рассмотрим, какое преломление данные жанровые признаки нашли в этом произведении.

Образ Антония Великого — это образ «божественного мудреца», в котором, как мы помним, различаются два типа: сын Божий и богоподобная личность. Антоний принадлежит ко второму типу. По структуре «Жизнеописание Антония» приближается, как и большинство языческих биографий святых, к светониевой модели, то есть имеет двухчастную структуру: первая часть представляет собой короткий исторический рассказ, вторая же построена по тематическому принципу. Возможно, такая композиция сочинения объясняется тем

влиянием, которое оказали на Афанасия Александрийского его литературные предшественники (Сох 1983: 53).

Структура «Жития Антония Великого» подробно проанализирована в статье С. Рубенсона «Переоценка наследия классической биографии в “Житии Антония” Афанасия» (Rubenson 2006: 194–197). Автор отмечает, что «Житие» включает в себя пролог и эпилог и традиционно разделено на две части, первая из которых посвящена рассказу о духовном совершенствовании героя, о его аскетической борьбе и его учении о духовной брани, а вторая представляет собой повествование о деятельности Антония и его взаимоотношениях с внешним миром. В качестве границы между первой и второй частью С. Рубенсон определяет 44 главу «Жития», завершающую продолжительную беседу Антония с народом об аскетической жизни.

Как мы помним, одной из жанровых черт биографии святых является отсутствие четких хронологических указаний. Расплывчатость хронологии характерна и для «Жития Антония Великого». Несмотря на то, что здесь встречается нескольких точных временных меток, как правило, для обозначения временных вех здесь используются такие слова, как «когда» (ἐτεῖδῃ), «после» (μετά), «некогда» (ποτέ), «затем» (εἶτα), «однажды» (μία ἡμέρα) (Migne 1857–1866: col.841 A; col.841 B; col. 865 C) и др. Порой рассказы о различных случаях из жизни Антония вообще лишены временных связей, они просто перечисляются один за другим и являются тематической подборкой рассказов о чудесах и добродетелях святого.

Приведем примеры. «Некий царедворец Фронтон, страдающий тяжелой болезнью...» (Εἷς γοῦν Φρόντων καλούμενος, ἀπὸ Παλατίου τυγχάνων, καὶ πάθος ἔχων δεινόν) (Migne 1857–1866: vol. 26. col. 925 B). Так начинается рассказ об исцелении Антонием царедворца Фронтоня. Следом за ним без всякого перехода идет повествование об исцелении некой девицы: «Некая девица из Трипольского Бусириса страдала тяжелой и постыдной болезнью...» («Παρθένος δέ τις ἀπὸ Βουσίρεως τῆς Τριπόλεως πάθος εἶχε δεινὸν καὶ λίαν αἰσχρὸν») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 925 C), а затем сразу сообщается о прозорливости Антония, призвавшем монахов поспешить на помощь братьям, у которых в пустыне кончилась вода: «Когда два брата находились в пути, и у них недостало воды» («ἐσέρχομένων δὲ δύο ἀδελφῶν τινῶν,

καὶ λείψαντος ἐν τῇ ὁδῷ τοῦ ὕδατος...») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 928 B).

Выше мы говорили о том, что отсутствие четкой хронологии в биографиях святых связано с тем, что здесь изображается не характер в его историческом развитии, а неизменяемый идеал. В этом отношении «Житие Антония Великого» имеет, по сравнению с языческими биографиями, некоторую специфику, ибо здесь можно проследить изменения в образе героя (Priessnig 1971: 3–4).

В сочинении Афанасия Александрийского четко просматриваются этапы духовного становления Антония — благочестие в детстве и отрочестве, упражнения в подвижничестве возле дома, затвор в гробницах, отшельничество в пустыне. Для описания этого процесса Афанасий Александрийский употребляет соответствующие выражения: Антоний трудится над собой «все больше и больше» («μᾶλλον καὶ μᾶλλον»), ставя перед собой задачу «приучить себя» («ἐαυτὸν ἐθίζειν») к более суровому образу жизни и, как итог, «душевная ревность, сохранявшаяся долгое время, привила ему добрый навык» («προθυμία τῆς ψυχῆς, πολὺν χρόνον ἐμμείνασα, ἔξις ἀγαθὴν ἐνεργάζετο ἐν αὐτῷ») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 852 B).

П. Кокс объясняет феномен динамики характера Антония, спецификой христианской аудитории, к которой обращен этот памятник. Если авторы языческих биографий апеллировали к узкому кругу своих последователей, и в силу этого им было необходимо изначально дать образец незыблемого идеала для небольшого числа подготовленных людей, то сочинение Афанасия Александрийского было адресовано всем христианам, для которых пример Антония являл образец доступного каждому христианского подвига (Сох 1983: 54).

Однако такое объяснение не является исчерпывающим. Идея движения присуща христианскому дискурсу в целом. В основе этой идеи лежит библейский взгляд на мир. Если для языческого сознания характерно видение бытия как «космоса», как пространства, как чего-то незыблемого, постоянно возвращающегося в исходную точку, то для библейского мирозерцания бытие — это, прежде всего, существование во времени, в потоке истории (Averincev 1975: 269).

Образы движения, бега, совершенствования неоднократно встречаются в Священном Писании, например, в послании к

Филиппийцам: *я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед* (Фил., 3:13–14), или в первом послании к Коринфянам: *Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить* (1 Кор., 9:24–27).

Мысль о совершенствовании и возрастании в подвиге повторяет и Афанасий Александрийский, приводя слова Антония из его беседы с монахами: «Да будет, прежде всего, у всех общая ревность, чтобы начав, не ослабевать и не унывать в трудах и не говорить: “Мы не возрастаем в подвиге”, но лучше, словно каждый день начиная, умножать ревность» («Ἔστω δὲ προηγουμένως κοινὴ πᾶσιν αὐτῆ σπουδὴ, ἀρξαμένους μὴ ὑπενδοῦναι, μηδὲ ἐκκακεῖν ἐν τοῖς πόνοις, μηδὲ λέγειν: Ἐχρονίσαμεν ἐν τῇ ἀσκήσει, ἀλλὰ μᾶλλον ὡς ἀρχόμενοι καθ’ ἡμέραν, τὴν προθυμίαν ἐπλαυξήσωμεν») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 868 A).

С другой стороны, для библейского мирозерцания и основанного на нем агиографического дискурса характерна идея раскрытия того, что уже дано изначально. Примером может послужить евангельская притча о горчичном зерне (Мф., 13:31–32). Дерево, которое выросло из горчичного зерна уже заключено в нем. Произрастание дерева из зерна является образом раскрытия того, что уже заключено в зерне, и царство Божие, которое уже даровано миру, раскрывается во времени.

Поэтому, когда мы читаем в «Житии Антония Великого» о том, что юноша услышал в церкви евангельские слова: *Если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за мной* (Мф., 19:21), то это и есть формулировка того идеала, который воплощает образ Антония. Идеал этот существует изначально, но по мере совершенствования в монашеской жизни Антоний все больше и больше приближался к нему.

Таким образом, идеал, воплощением которого является образ героя в «Житии Антония Великого», антиномичен. С одной стороны, он неизменен, и в этом отношении произведение Афанасия Александрийского лежит в русле традиции позднеантичной биографии «божественного мудреца», а с другой, подвержен динамике, что объясняется особенностями христианского агиографического дискурса.

Итак, Антоний изображен в биографии как идеал для подражания, но, как и в других биографиях, чтобы этот идеал нашел

воплощение в тексте, автор прибегает к традиционному приему использования анекдотов, максим и речей. Имеющие место в «Житии Антония Великого» анекдоты конкретизируют повествование, делают его наглядным, пластичным и тем самым приближают к читателю.

Например, в одном из анекдотов рассказывается о том, как герой с легкостью избежал зубов хищных рептилий. «Когда у него возникла необходимость перейти канал в Арсеное (а необходимостью было посещение братий), канал оказался полным крокодилов. И лишь помолившись, вступили туда он и бывшие с ним и перешли без всякого вреда» («Χρείας δὲ γενομένης διελθεῖν αὐτὸν τὴν τοῦ Ἀρσενοῖτου διώρυγα (χρεία δὲ ἦν ἡ τῶν ἀδελφῶν ἐπίσκεψις), πλήρης ἦν ἡ διώρυξ κροκοδείλων. Καὶ μόνον εὐξάμενος, ἐνέβη αὐτός τε καὶ πάντες οἱ σὺν αὐτῷ, καὶ διῆλθον ἀβλαβεῖς (Migne 1857–1866 : vol. 26, col. 865 B-C)»).

В другом случае рассказывается, что Антоний изгнал демона из бесноватого юноши, когда тот укрылся на корабле, и святой почувствовал зловоние от беса. «И демон, смущенный именем Господа нашего Иисуса Христа, вышел, и человек стал здоров. И все поняли, что зловоние происходило от демона» («Ἐπιτιμηθεὶς δὲ ὁ δαίμων ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἐξῆλθε· καὶ ὁ μὲν ἄνθρωπος γέγονεν ὑγιής· πάντες δὲ ἔγνωσαν, ὅτι τοῦ δαίμονος ἦν ἡ δυσωδία») (Migne 1857–1866: vol.26, col. 933 A).

Эти и другие анекдоты призваны не только наполнить конкретикой рассказы о подвигах и добродетелях героя, но, приблизив тем самым повествование к читателю, сделать его узнаваемым и назидательным.

В «Жизнеописании Антония», подобно другим биографиям, используются и максимы, которые, как мы помним, также являются средством придания достоверности повествованию. Таково, например, высказывание Антония, обращенное к языческим философам, смеявшимся над ним за то, что он не учился грамоте: «Итак, тот, кто здрав умом, тому не нужны письмена» («Ὡ τοίνυν ὁ νοῦς ὑγιαίνει, τοῦτω οὐκ ἀναγκαῖα τὰ γράμματα») (Migne 1857–1866: vol.26, col. 945 A).

Другим примером является ответ Антония, обращенный к собравшимся монахам после получения письма от сыновей Константина Великого Констанция и Константа: «Не удивляйтесь, если пишет вам царь, ибо он человек, но лучше удивляй-

теть, что Бог написал людям закон и изрек нам его через Своего Сына» («Μὴ θαυμάζετε, εἰ γράφει βασιλεὺς πρὸς ἡμᾶς, ἄνθρωπος γάρ ἐστιν· ἀλλὰ μᾶλλον θαυμάζετε, ὅτι ὁ Θεὸς τὸν νόμον ἄνθρώποις ἔγραψε, καὶ διὰ τοῦ ἰδίου Υἱοῦ λελάληκεν ἡμῖν») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 956 B).

Речи Антония включены, главным образом, во вторую часть «Жития» и представляют собой наставления монахам, обличение ересей, обращения к язычникам, пророчества о судьбах Церкви. В конце «Жития» приводится прощальное обращение святого к ученикам накануне кончины.

В одной из речей Антоний увещевает монахов ставить попечение о душе выше попечения о теле, в другой он обращается к народу с обличением ереси арианства. Возможно, в этой речи Афанасий Александрийский, многие из творений которого посвящены антиарианской полемике, вложил в уста Антония свои собственные мысли. «Сын Божий не тварь, и не из не сущих, Он есть Слово и Мудрость, совечные сущности Отца. Поэтому нечестиво говорить: “было, когда не было”, ибо вечно было Слово, существующее вместе с Отцом» («μὴ εἶναι κτίσμα τὸν Υἱὸν τοῦ Θεοῦ, μηδὲ ἐξ οὐκ ὄντων γεγενῆσθαι· ἀλλ’ ὅτι ἀίδιός ἐστι τῆς τοῦ Πατρὸς οὐσίας Λόγος καὶ Σοφία. Δι’ ὃ καὶ ἀσεβές ἐστι λέγειν· Ἦν ὅτε οὐκ ἦν· ἦν γὰρ αἰεὶ ὁ Λόγος συνυπάρχων τῷ Πατρί») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 941 A-B).

В «Житии» приводится несколько речей Антония с изобличением языческих философов. Одна из них демонстрирует мудрость и проницательность Антония и его нравственное и интеллектуальное превосходство перед философами, которые пришли для того, чтобы его испытать (Migne 1857–1866: col. 944 B-C).

Другая речь гораздо более пространная. В ней Антоний высмеивает языческое представление о богах, опровергает учение о переселении душ, говорит о преимуществе веры над разумом и христианства над язычеством, восхваляет силу креста Христова (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 945 B — 953 B).

В своей прощальной беседе с учениками Антоний обращается к ним с последними наставлениями: «а он, радуясь, словно из чужого возвращаясь в свой град, беседовал и наставлял их, чтобы они не были нерадивыми в скорбях и не унывали в подвиге...» («ὁ δὲ, ὡς ἀπὸ ἀλλοτρίας εἰς ἰδίαν ἀπαίρων πόλιν, χαίρων διελέγετο· καὶ παρήγγελλεν αὐτοῖς μὴ ὀλιγωρεῖν ἐν τοῖς

πόνοις, μηδὲ ἐκκακεῖν ἐν τῇ ἀσκήσει...») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 963 A-B).

Анекдоты, максимы и речи, включенные в «Житие», конкретизируют идеал, воплощенный в образе Антония, делают его живым и близким читателю. Он предстает не только идеальным героем, превосходящим других подвижников в деле подвига, не подчиняющимся законам природы, имеющим власть над демонами, но и человеком, обладающим острым умом и метким словом.

Еще один способ придания повествованию достоверности — использование источников. Но, если, к примеру, Ямвлих в своем жизнеописании Пифагора ссылался на различные источники, в том числе мифологические, то у Афанасия Александрийского не было в этом необходимости, поскольку он писал о событиях произошедших только что, говоря, что его единственным источником был его личный опыт общения с подвижником. «... Поэтому то, что я сам знаю (ибо я часто его видел) и то, что я смог узнать у него самого, сопровождая его не малое время и возливая воду на его руки, я потщился запечатлеть для вашего благоговения» («διὰ τοῦτο ἄπερ αὐτός τε γινώσκω (πολλάκις γὰρ αὐτὸν ἑώρακα), καὶ ἃ μαθεῖν ἠδυνήθη παρ' αὐτοῦ ἀκολουθήσας αὐτῷ χρόνον οὐκ ὀλίγον καὶ ἐπιχέων ὕδωρ κατὰ χεῖρας αὐτοῦ, γράψαι τῇ εὐλαβείᾳ ὑμῶν ἐσπούδασα») (Migne 1857–1866: vol. 26, col. 840 A).

Итак, на примере «Жизнеописания Антония Великого» мы рассмотрели христианскую биографию в общем контексте биографического жанра. Очевидно, что и языческие, и христианские биографии по общности признаков — жанровых маркеров — представляют собой единый жанр. Однако между ним проходит четкая грань, которая объясняется особенностями религиозных воззрений, нашедших отражение в агиографическом дискурсе.

Литература

- Averincev, S. S. 1973: *Plutarh i antichnaja biografija. K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra [Plutarch and Ancient Biography. On the Question of the Place of the Classic of the Genre in the History of the Genre]*. Moscow: Nauka.
- Аверинцев, С. С. 1973: *Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра*. М.: Наука.

- Averincev, S. S. 1975: [The Order of Universe and the Order of History in the Worldview of the Early Middle Ages]. In: *Antiquity and Byzantium*. Moscow: Nauka, 266–285.
- Аверинцев, С. С. 1975: Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего Средневековья. В сб.: *Античность и Византия*. М: Наука, 266–285.
- Cox, P. 1983. *Biography in Late Antiquity: A Quest for the Holy Man. (Transformation of the Classical Heritage, number 5)*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Fowden, G. 1982. The Pagan Holy Man in Late Antique Society. *The Journal of Hellenic Studies*. 102, 33–59.
- Leo, F. 1901. *Die Griechisch-Roman Biographie nach ihrer literarischen Form*. Leipzig: Druck und Verlag von B. G. Teubner.
- Migne, J.-P. 1857–1866. *Patrologiae Graecae Cursus Completus*. Vol. 1-161. Paris: Fratres Garnier editores.
- Momigliano, A. 1971. *The Development of Greek Biography*. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press.
- Priessnig, A. 1971. Die Biographische Form der Plotinvita des Porphyrios und das Antoniosleben des Athanasios. *Byzantinische Zeitschrift*, 64, 1–5.
- Reitzenstein, R. 1914. Des Athanasius Werk über das Leben des Antonius. In: *Ein philologischer Beitrag zur Geschichte des Mönchtums*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsbuchhandlung.
- Rubenson, S. 2006. Antony and Pythagoras: A Reappraisal of the Appropriation of Classical Biography in Athanasius' *Vita Antonii*. In: *Beyond Reception: Mutual Influences between Antique Religion, Judaism, and Early Christianity*, 191–208.